

Экономическая социология

©2005г.

М.А.ШАБАНОВА

ПРОБЛЕМА ВСТРАИВАНИЯ РЫНКА В "НЕРЫНОЧНОЕ" ОБЩЕСТВО

ШАБАНОВА Марина Андриановна - доктор социологических наук, профессор Государственного университета - Высшая школа экономики, главный научный сотрудник Междисциплинарного академического центра наук (Интерцентра) МВШСЭН.

Социальная организация общества и тип рынка: постановка проблемы

Сегодня дилемма "план или рынок", как известно, отошла на второй план. Три очевидных достижения преобразований: практически забыт товарный дефицит, и уже появилось поколение, которое толком не знает, что это такое; частная собственность стала доминирующей; в стране созданы базовые институты политической демократии, - представляются вполне достаточными, чтобы констатировать *завершение переходного периода* от коммунистической системы (или советского социализма) к рынку [1]. "Дальнейшее развитие России, ее успехи или трудности, прорывы и кризисы будут определяться этим фундаментальным результатом развития России последнего времени. Трудностей и проблем будет очень много, но это будут трудности и проблемы *нормальной рыночной экономики* [курсив мой. - М.Ш.]" [1].

Спору нет, все эти достижения являются фундаментальными. Но означают ли они, что российская экономика и общество движутся именно в ту сторону, в какую замышлялось? И что понимается под *нормальной* рыночной экономикой, которая будет определять наше последующее развитие? Ведь мировой опыт свидетельствует о том, что среди стран с рыночными экономиками есть как успешные, так и такие, где рынок пока не дал бесспорных результатов (Индия, Нигерия, Марокко и др.); что к экономическому успеху ведет не одна (как может показаться, если прислушаться к рекомендациям Всемирного банка и МВФ), а множество моделей рынка. В самом деле, многие страны (Япония, Франция, США, Южная Корея, Тайвань и др.) превратили порой прямо противоположные особенности своей социальной организации и культуры в важные преимущества своих экономик. Так, *японский* рынок строится на устойчивых социальных сетях как внутри фирм, так и между ними и находится под сильным влиянием государства, в то время как рынок *США*, напротив, предполагает высокую степень автономности индивидуальных решений в сфере трудовых, кредитных, производственных и прочих отношений. Сильно стратифици-

Работа выполнена при поддержке Научного фонда Государственного университета - Высшая школа экономики (индивидуальный исследовательский грант 2005 г. «Рынок и "нерыночное" общество: проблемы встраивания»).

рованное *южнокорейское* общество преуспело в рыночной экономике благодаря способности аристократической элиты накопить капитал в рамках *крупных* вертикально интегрированных фирм и развить капиталоемкие производства в автомобилестроении, выплавке стали и др. А *тайваньское* общество, базирующееся на мелких и средних межсемейных сетях, не способных накопить достаточно крупный капитал из-за традиции дробления состояния для передачи в наследство сыновьям, напротив, воспользовалось гибкостью своих *малых* предприятий, быстро меняющих производство по мере изменения вкусов потребителей [2]. Есть ли в российском обществе особенности социальной организации, которые следовало бы учесть, дабы обрести рыночные преимущества или ослабить "провалы рынка"? Какие из них уже сегодня значимым образом сказываются на становлении рынка?

На заре рыночных преобразований российские реформаторы открыто абстрагировались от социального контекста, заявляя о том, что главное - осуществить либеральные преобразования в экономической сфере, а уж люди как-нибудь к этому адаптируются. Всемирный банк и МВФ, давая свои рекомендации по радикальной реструктуризации экономик, также исходят из существования некоей универсальной модели рынка, которую можно установить где бы то ни было. Если напрячь воображение, то можно предположить, что они искренно хотят помочь посткоммунистическим и другим развивающимся обществам построить "совершенный" рынок (которого, впрочем, нет нигде). Но имеется ли у них достаточно оснований столь сильно абстрагироваться от особенностей социальной организации и культуры трансформирующихся обществ? Мировой опыт свидетельствует, что нет. И если в настоящее время и на ближайшую перспективу актуализируется вопрос о том, какой *тип* рынка *формируется* и, в принципе, *возможен* в России, да и в других посткоммунистических обществах тоже, то важно осмыслить силу и характер обратного воздействия на рынок той социальной системы, в которую он встраивается.

Формирующуюся в России модель рынка порой разочарованно именуют квазирынком. Но зачастую это происходит тогда, когда отечественный "продукт" сравнивается с неким образцом, за который принимаются цивилизованные рынки высокоразвитых западных стран, где экономическая деятельность осуществляется преимущественно в правовом поле, сформировалась конкурентная среда, сильны традиции соблюдения контрактов, уважения к частной собственности, хозяйствующие субъекты дорожат деловой репутацией, а государство не подрывает систематически стабильность "правил игры" своим ненужным вмешательством, как, впрочем, и ненужной отстраненностью (например, в сфере правовой защиты бизнеса). Но, быть может, мы имеем дело не с квазирынком, а с определенным *типом* рынка, на формировании которого сказались (и будут еще долго сказываться) особенности социальной организации российского *общества!* А если это так, то какие социальные *ограничители* нужно принимать во внимание и впредь, чтобы формирующийся рынок не законсервировался на стадии "гадкого утенка", и если и не превратился в прекрасного лебедя, то хотя бы принял более-менее цивилизованные черты? Можно ли (и если да, то при каких условиях) как-то ослабить эти барьеры? Во всех этих случаях речь идет о прямых и обратных связях между рынком и другими подсистемами и институтами общества, о проблемах встраивания рынка в более широкую общественную систему.

Итак, попытаемся на примере России обосновать, что вопрос о возможном *типе* рынка в значительной степени решается *вне* рынка - он упирается в более широкий социальный контекст, в который встраиваются рыночные отношения. До поры до времени этот контекст можно игнорировать. Однако он обязательно даст о себе знать, вопреки воле реформаторов, как только актуальной станет задача перехода не к рыночной экономике вообще, а к *успешной* рыночной экономике, не к абы какому, а к *цивилизованному* типу рынка. Игнорирование социального контекста в течение длительного времени может снизить шансы на переход именно к такому типу рынка. И в России, на мой взгляд, это уже произошло.

Зависимость от предшествующего развития и тип рынка: социоструктурный и культурный аспекты

Экономисты сегодня активно обсуждают концепцию зависимости от предшествующего развития (Path Dependence) - как технологическую, так и институциональную [3; 4; 5]. Ее проявлением они называют устойчивое сохранение неэффективных технологий и норм [6]. За пределами неоклассической экономической теории, наверное, вряд ли кто-нибудь сомневается в том, что эта зависимость, вообще говоря, есть. В частности, она активно обнаруживает себя в механизмах инерции, свойственных трансформациям *любых* общественных систем. Более актуальными представляются вопросы о *степени* зависимости от предшествующего развития, а также о *механизмах* воспроизводства этой зависимости в новых условиях и обстоятельствах, а вместе с тем и о возможностях смягчения (ослабления) ее нежелательных проявлений, в том числе и с помощью выбора адекватной стратегии и тактики рыночных реформ, проведения адекватных мер социально-экономической политики и др.

Есть ли в России какие-нибудь особенности социальной организации и культуры, которые сформировались в дореформенный период и воспроизводятся и по сей день и которые следовало бы учесть на старте преобразований (как, впрочем, важно учитывать и сегодня) при выборе стратегии и тактики рыночных реформ, дабы обрести если не рыночные преимущества, то хотя бы более цивилизованный тип рынка? Не претендуя на полноту, среди важнейших назову следующие.

1. *Относительно низкий уровень жизни и относительно невысокие притязания массовых групп населения в советский период.* Они в значительной степени сформировались из-за закрытости страны (по данным наших исследований, до реформ более 90% россиян не бывали за рубежом, а те, что бывали, допускались преимущественно в социалистические страны). Свой вклад внесла и советская идеология, и неблагоприятный социальный опыт: война, послевоенные мобилизации, низкая точка отсчета - "*лишь бы не было войны*", экономика дефицита, подавленность бытом и т.д. "На входе" в реформы 60% опрошенных россиян считали, что их доходы были ниже прожиточного минимума, и только десяти процентам семей, по их самооценкам (осень 1991 г.), либо вполне хватало средств (9%), либо они могли себе ни в чем не отказывать (1%) [7, с. 77].

2. *Долготерпение как национальная черта; низкий протестный потенциал и неразвитость структур гражданского общества.* В совокупности с первой особенностью эта черта, в принципе, создавала хорошую социальную базу для реформ, в том числе и радикальных, особенно таких, где за основной частью населения закрепляется роль объекта, а не субъекта преобразований. Однако степень абстрагирования реформаторов и властей от интересов массовых групп населения не безгранична и зависит от ряда других особенностей.

3. *Доминирование трудовой ориентации над рыночной в массовых представлениях о социальной справедливости в распределении общественного богатства.* "На входе" в реформы до 1/3 россиян придерживались преимущественно уравнительных взглядов (конечно, не в том смысле, что "все должно делиться поровну", а в том, что дифференциация должна быть весьма ограниченной, без больших разрывов). Около 40% стояли за распределение по труду (лучше должны жить те, кто работает больше, тяжелее, квалифицированнее). И только 20-25% можно было очень осторожно идентифицировать с людьми, которые разделяют рыночные представления о справедливости. Лишь небольшая часть россиян готова была признать, что принципиально новый вид труда, который приносит рынок, - предпринимательский труд измеряется не числом часов, проведенных на работе, а некими качественными критериями. Согласно рыночным представлениям о справедливости предпринимательский доход в значительной степени зависит от экономического чутья, оборотливости, точности расчетов, готовности к разумному риску и др. [7, с. 73-75].

Эти ценностно-нормативные представления меняются очень медленно. И сегодня подавляющее большинство россиян (90-93%) считают неравенство в распределении общественных благ справедливым в том случае, если оно отражает различия в количестве и качестве затраченного труда [8, с. 82-83] ("От каждого по способностям - каждому по труду"), а не степень успешности деятельности в условиях рынка. Иными словами, в массовых представлениях о социальной справедливости рыночные ориентации за годы реформ не только не усилились, а еще более ослабились. На этой динамике, несомненно, сказался характер проведенной в российской экономике приватизации, которая рождала крупных собственников и была проведена за "бесценок", нередко принося новым владельцам тысячу процентов годовых. В *экономическом* плане такая приватизация не привела к возникновению конкуренции и повышению эффективности производства [9, с. 11]. Однако не менее тревожны ее *социальные* последствия. Большая (и нелегитимная) дифференциация в распределении общественного богатства "на входе в рынок" неизбежно порождает "на выходе" сильные различия в уровне получаемых доходов, которые также воспринимаются нелегитимными. Таким образом, "нерыночные" представления о социальной справедливости определяют низкую степень легитимности нового социального порядка, а также определенные общественные ожидания относительно должной роли государства в уменьшении социальных неравенств.

4. *Невысокий уровень правового сознания и поведения.* Правовой нигилизм издавна признается неотъемлемой чертой российской общественной традиции. "Не я виноват, - писал В.О.Ключевский, - что в русской истории мало обращаю внимания на право: меня приучила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права" [10]. Не случайно еще В.Даль определял свободу через волю и распространял это понятие на гораздо более широкий круг явлений, чем допускает западная традиция: вплоть до "полного, необузданного произвола или самовольства" [11]. В глазах славянофилов право было "внешней правдой", которая заменяет человеческую совесть полицейским надзором; Герцен рассматривал неуважение к праву как историческое преимущество русского народа, свидетельство его внутренней свободы и способности построить новый мир; русские анархисты считали право, наряду с государством, инструментом прямого насилия, и др. [12, с. 25]. Неуважение к праву перешло и в наши дни. В советский период широко были распространены мелкие, систематические и мало осуждаемые хищения с производства, использование техники для "левых" работ, приписки, массовая халтура и др. За годы реформ неправовые практики еще более расширились на всех уровнях социальной реальности: микро-, мезо-, макро- [13-21].

5. *Низкая ценность самостоятельности и независимости в актуальном жизненном пространстве россиян.* Внедрение либеральных экономических и политических прав по природе своей предполагает, что люди *стремятся* к самостоятельным и независимым действиям. Между тем, по нашим данным, возможность быть самостоятельным, рассчитывать на свои силы и инициативу, быть хозяином судьбы среди важнейших жизненных возможностей назвали лишь 36% респондентов-горожан, а возможность противодействовать несправедливым действиям властей вообще оказалась на предпоследнем месте, набрав всего 9% голосов. Примечательно, что в сельской местности наблюдалась аналогичная картина (33 и 6% соответственно). Поле актуальных возможностей сегодня лежит в пространстве *социально-экономическом*, а не в политическом или гражданско-правовом. Материальное благополучие и наличие оплачиваемой работы, стабильность и безопасность, дающая уверенность в завтрашнем дне, возможность получить хорошую медицинскую помощь и образование и др. - вот что сегодня входит в актуальное жизненное пространство большинства россиян, определяя "знак" значимых сдвигов. Это означает, что необходимые для легитимизации и институционализации новых прав самостоятельные действия только тогда начнут цениться массовыми группами россиян, когда они будут в большей степени, чем несамостоятельные действия, способствовать продвижению массовых групп именно в этих социально-экономических направлениях. Не являясь самостоятельной

ценностью "на входе" в реформы, самостоятельность должна была в ходе реформ стать, по крайней мере, ценностью инструментальной [19, с. 210].

6. *Деление советского общества на два больших класса: правящий и "народный". Особое качество правящего класса, отдаляющее его от рациональной бюрократии стран с развитой демократией и рынком* [22, с.57, 288-298; 23]. Реформы были начаты по инициативе правящего класса (роспуск КПСС, провозглашение новых прав и правил игры), и в первой половине 90-х годов осуществлялись властью, на 3/4 состоявшей из прежней номенклатуры.

В целом все эти унаследованные из более и менее отдаленного прошлого особенности социальной организации и культуры взаимосвязаны друг с другом и в комплексе сказываются на современном векторе рыночных преобразований. Однако при проведении рыночных реформ, по существу, была учтена, пожалуй, только одна особенность - долготерпение и низкий протестный потенциал россиян. Очень ярко проявила себя оторванность власти от рядовых граждан. Как же сказались на становлении рынка все эти свойственные в общем-то "нерыночному" обществу особенности - осознаваемые и неосознаваемые, скрытые и явные? Как и через какие механизмы они проявили себя в новом институциональном пространстве?

Проблема встраивания рынка в "нерыночное" общество в контексте теории социальных ролей

Становление рынка ознаменовалось либерализацией ролевой системы российской экономики. Конкретными формально-правовыми проявлениями этого эмпирически наблюдаемого факта стали:

1). Рост *многообразия* экономических и профессиональных ролей. Появились новые экономические (роль акционера, собственника, рантье и др.) и профессиональные роли (маклер, брокер, аудитор, риэлтер, маркетолог и др.); индивиды обрели право на создание своего дела;

2). Изменились *правила выполнения многих прежних социальных* (в т.ч. профессиональных) ролей. Уменьшается степень их регламентации, зависимость содержания от одного или нескольких правителей; возрастает степень самостоятельных, инициативных действий в реализации как экономико-производственных, так и "непроизводственных" профессиональных ролей. Хозяйствующим субъектам государство больше не определяет, что и в каких объемах производить, кому и по каким ценам продавать. Иными словами, на институционально-правовом уровне расширяются "ролевые рамки" для роста автономности хозяйствующих субъектов и наемных работников, проявления их индивидуальности и свободы;

3). Изменяется *"порядок допуска"* к тем или иным профессиональным и прочим социальным ролям, уменьшается число формальных ограничителей при их получении. Например, руководителями разных уровней могут теперь стать (и становятся) более молодые люди, независимо от членства в партии и разного рода "общественных нагрузок";

4). Уменьшается зависимость числа ролей и ролевых характеристик от властей разного уровня: в частности, можно одновременно выполнять несколько профессиональных ролей безо всякого разрешения с места основной работы и не прибегая, как прежде, к разного рода уловкам (вторые трудовые книжки, услуги "подставных лиц", личные договоренности с начальством на дополнительных местах работы и др.). Появляется формально-правовая возможность сопротивления принудительному выполнению несовместимых ролей (например, призывника в солдаты из числа глубоко верующих в связи со становлением института альтернативной службы);

5). Расширяется *территориальное пространство* реализации определенных социальных, в т.ч. и профессиональных ролей (с меньшим числом формальностей

можно выехать или съездить за рубеж, разрешительный характер прописки меняется на регистрационный и др.);

б). Стало больше формальных (законных) возможностей для *протестных* действий в случае нарушения ролевых обязательств руководителями разных уровней по отношению к рядовым работникам (забастовки, акции протеста, развитие структур гражданского общества и др.).

Все эти проявления либерализации формально-правового костяка российской хозяйственной и общественной системы указывают на то, что меняется, если можно так выразиться, "дух" ролевой системы: все большее место в ней занимают достигательные элементы по сравнению с предписанными. Как видно, ролевые ожидания реформаторов, воплощенные в новой системе экономических и гражданско-политических прав, заключались в предположении, что люди активно включатся в самостоятельные действия и будут рассчитывать на свои силы и способности, а не на государство и руководителей предприятий. При этом многие реформаторы полагали, что люди в советский период пострадали от отсутствия самостоятельности и независимости от властей, а потому с радостью (и благодарностью) воспользуются новыми возможностями.

Как отреагировали на эти нововведения рядовые граждане? В большинстве своем они действительно стали более самостоятельными. Как показали данные проведенных нами исследований, степень включения людей в *самостоятельные* действия с целью адаптации к новым условиям, без опоры на помощь властей, в российском обществе уже сегодня очень высока. Более 80% респондентов трудоспособного возраста признали, что сейчас им чаще, чем до реформ, приходится рассчитывать на свои силы, а не на помощь или гарантии извне. Доля тех, кому помогают справиться с трудностями органы власти, составляет всего 1%, руководители предприятия - 3-4% [19, с. 250].

Проблема, однако, состоит в том, что формально-правовые нововведения реформаторов, зафиксированные в новой системе ролевых ожиданий, не были и не стали по сей день *общепринятыми*. Большие группы трудоспособных россиян стали более самостоятельными не добровольно, а вынужденно (57% против 25%) и являются носителями совсем иных ролевых ожиданий, независимо от того, есть ли им место в новой системе или нет, прогрессивно это с чьей-либо точки зрения или нет. Дело в том, что провозглашение либеральных экономических и политических прав не означало их простого добавления к прежней системе прав. В действительности оно было сопряжено с исчезновением многих прежних социально-экономических прав и гарантий, которые высоко ценились большими группами россиян: отсутствие угрозы безработицы, гарантированная государством занятость (которую имели жители если не всех, то большинства регионов и республик СССР), гарантированный государством доход, обеспечивающий пусть и невысокий, но приемлемый уровень жизни и др. В результате российское общество оказалось разделенным в культурном отношении по этому основанию: по данным наших исследований, 55% трудоспособных горожан считают, что за годы реформ потеряли значимых прав больше, чем приобрели, 43% - наоборот. Это привело к тому, что независимо от того, как сегодня действуют индивиды (с опорой на государство или преимущественно самостоятельно они исполняют свои многочисленные экономические и неэкономические роли), у многих из них все равно сохраняются *отличные от официальных ролевые ожидания*: относительно обязанностей государства в современных условиях, социальных обязательств руководителей предприятий, где они трудятся, и др.

Так, еще в конце 90-х годов (т.е. спустя семь лет после начала рыночных реформ) абсолютное большинство россиян считали, что государство должно уменьшать различия в доходах между людьми (83%), гарантировать прожиточный минимум (74%) и обеспечивать работой каждого, кто хочет трудиться (77%). Причем в этих отношениях мнения разных по уровню образования групп близки [8, с. 86-87]. Эти ценностно-нормативные представления, несомненно, испытывают на себе воздействие траектории предшествующего развития. Но интерпретировать их только в

этом контексте, думается, недостаточно. Эти "прогосударственные" ценностно-нормативные представления в значительной степени отражают сегодняшнюю специфику жизненной ситуации больших групп россиян, уровень, результативность, способы и издержки их самостоятельной адаптации к новым условиям.

Так, по данным выборочных обследований Госкомстата (апрель 2002 г.), удельный вес работников с начисленной заработной платой на уровне или ниже величины прожиточного минимума в общей численности работников составил: в сельском хозяйстве - 75%, в культуре и искусстве - 51%, образовании - 41%, здравоохранении, физической культуре и социальном обеспечении - 39% [24, с. 152]. Это явно расходится с выдвинутым на заре реформ их инициаторами лозунгом: "Чтобы хорошо жить, нужно много и хорошо работать". Действительность (особенно для массовых групп бюджетников - врачей, учителей и др., которые заняты социально востребованным трудом и работают на 1,5-2 ставки) оказалась иной. Многие из них попали в разряд бедных, даже при наличии двух работающих в семье. В целом по России половина бедных-семьи работающих [25].

Что касается динамики и дифференциации доходов, то, по данным Госкомстата РФ, в 2000 г. реальные доходы граждан составили 35,8% от уровня десятилетней давности. Децильный коэффициент дифференциации доходов между наиболее и наименее обеспеченными доходными группами увеличился с 4,5 раз до 14 раз [26, с. 4]. Таким же остался этот коэффициент в 2001 и 2002 г. [24, с. 135]. Однако в действительности, по оценке международных и ряда российских исследовательских организаций, степень неравенства в России в 2-2,5 раза выше [27].

В этих условиях вполне объясним тот факт, что у большинства россиян нет надежды на рынок как регулятор социальных неравенств, и все большее распространение получают "прогосударственные" настроения: государство должно уменьшать различия в доходах между людьми. Если в начале 90-х этой точки зрения придерживались 65% опрошенных, то в конце десятилетия - уже 83%. (Для сравнения: в США - 33%, Германии - 47%, Норвегии - 60%) [8, с. 99-100].

Опасность такой ситуации обычно сводится к возможному росту авторитаризма. Однако не менее разрушительным для формирующейся институциональной среды является и ответное поведение массовых групп рядовых граждан по отношению к государству. Если государство не выполняет перед гражданами своих ролей, то и они не очень-то стараются в выполнении своих: рассматривая современный социальный порядок как нелегитимный, индивиды (акторы микро- и мезоуровня) там, где можно, уклоняются от следования официальным ролевым ожиданиям. По данным наших исследований, более частое нарушение правовых норм вообще становится одним из основных способов реактивно-адаптационного и достижительного поведения разных групп населения в тех условиях, в которых они оказались в ходе реформ. В частности, мелкие хищения с производства, с совхозного поля, стройки основной частью сельского (65%) и городского населения (62%) в настоящее время не осуждаются [19, с. 241]. Выжившие в неправовом пространстве предприниматели придают обману государства статус своеобразного "дела чести" {"государство сильнее, а бизнес - хитрее", "я не могу быть честнее государства"} и др.

О силе примера в распространении неправовых экономических практик следует сказать особо¹. В современных условиях власти разных уровней сами активно нарушают законные права рядовых акторов, превышая область формально-правовой свободы в конструировании системы своих прав и обязанностей. Как показало наше исследование (всероссийский опрос 2001 г.) [28], среди нарушителей законных прав

¹ Вот наиболее типичные комментарии работодателей: "Если в самом веру у власти стоят люди, которые откровенно зарабатывают себе большие деньги путем нечестных махинаций, то все будет так же протекать и в других слоях"; «руководители "первых звеньев"... показывают, как закон не должен исполняться».

массовых групп лидирует начальство по месту работы (60%) и органы власти разных уровней, включая органы правопорядка (53%). В либеральном обществе нарушение законов означает неповиновение власти. В современном российском обществе законы нарушает сама власть, причем совершенно безнаказанно².

Наиболее неблагоприятным для состояния институциональной системы следствием такого положения является ослабление *горизонтального* (общественного) контроля за правильностью исполнения ролей, который в стабильных институциональных системах играет важнейшую роль. Он дополняет систему вертикального (формально-правового) контроля, который даже в условиях жесткого полицейского государства не может быть всеобъемлющим. Как справедливо заметил Е. Гайдар: "...Уберите, вычлените из Америки или Англии традиции исполнения контракта, ответственности, деловой репутации, оставьте только зафиксированное в законодательстве право [хотя оно, конечно, необходимо], и вы получите полный кавардак, наш нецивилизованный рынок..." (цит. по: [29, с. 3]).

Слабость *горизонтального* контроля за правильностью исполнения ролей - важный барьер формирования правового типа рынка в России. Можно назвать, по крайней мере, три источника слабости этого контроля со стороны общества.

1). Большие различия в нормативных системах представителей разных общественных групп, особо возрастающие в периоды кардинальных общественных преобразований; *неактуальность* и *нелегитимность* для большей части россиян *провозглашенных институционально-правовых изменений* и воплощающих их ролевых ожиданий. Все это указывает на культурно-ролевое разделение общества: разные социальные группы имеют весьма различные представления о том, за какие правовые и моральные рамки не должны выходить взгляды и модели поведения других групп, равно как и их собственные, какие способы социальных действий в современных условиях заслуживают наказания (порицания), а какие - нет;

2). Восприятие основной частью россиян сложившейся в ходе реформ *системы социальных неравенств как социально несправедливой* на фоне низкого открытого протеста новому общественному порядку; усиление за годы общественных преобразований представлений о социальной несправедливости складывающихся неравенств. Так, с суждением, что различия в уровнях дохода в России сейчас слишком велики, совершенно согласны 78% респондентов и скорее согласны - 16%. Доля несогласных с тем, что большая разница в доходах необходима для процветания России, составляет 73% против 55% в 1992 г. [8, с. 90-91].

3). *Правовой нигилизм* как давняя общественная традиция. В новых условиях она обнаружила себя в том, что противозаконные способы выживания и достижения жизненных целей существенно расширились и обрели новое качество - неприкрытый характер - главным образом из-за того, что практически не осуждаются ни слабыми, ни сильными социальными группами. Правовой нигилизм массовых общественных групп подпитывается, с одной стороны, низким уровнем их жизни, а с другой - незаконопослушным поведением властей разных уровней³.

Слабость горизонтального контроля за соблюдением правовых норм дополняется ослаблением *вертикального* контроля. Точнее было бы сказать, что при общей

² "При любом уровне критичности населения к правящим кругам последние, как правило, служат неким образцом (положительным или отрицательным) для прямого или косвенного подражания, а при высокой криминальности элиты - серьезным аргументом для прямого и косвенного оправдания своего противоправного поведения. Преступность правящей элиты формирует, кроме всего прочего, еще и недоверие, а то и отвращение к власти, что тоже криминологически значимо" [14, с. 330].

³ "Нечем кормить детей, с голоду им, что ли, помирать?!"; "Пусть берут побольше, все равно это ихнее, они больше ничего не получают — работают за так"; "Осуждать их не надо — их правительство к этому привело (воровать, грабить)"; "Рабочего не осуждаю, а начальство - осуждаю: они не за кусок хлеба тянут"; "Тут сумочку возьмешь, а они [начальство] машинами везут" (из интервью).

слабости этого контроля он все же есть, но носит подчеркнуто избирательный характер. Слаборесурсные группы наказываются чаще и строже высокоресурсных, наказание же (отсутствие наказания) представителям высокоресурсных групп за явные экономические правонарушения определяется степенью их политической лояльности. По оценке известного криминолога В. В. Лунеева, "уголовная юстиция занимается не более чем тысячной долей реально совершаемого правящей элитой" [14, с. 33]. А известный судья, член Независимого экспертно-правового совета С.А. Пашин заключает: "...российская прокуратура осуществляет *селективное* уголовное преследование: обходить закон и совершать преступления вынуждены *все*, а прокуратура отбирает, кого надо "отстреливать", причем делается это скорее по политическим, нежели по юридическим соображениям". Российский суд, формально призванный стоять на страже законности, на самом деле выполняет функцию перекачивания дезадаптантов и делинквентов в места лишения свободы, В результате в России на душу населения приходится на порядок больше заключенных, чем в развитых странах Европы [15].

Ослабление как горизонтального, так и вертикального контроля за правильностью исполнения ролей выступает серьезным препятствием становления в России правового, цивилизованного рынка и демократии. Как иронично и очень точно заметил М. Жванецкий: *"Наша демократия - это светофор, где горят три огня сразу. Как он горит, так мы и едем"*. В этом контексте формирующуюся в России модель рынка можно назвать неправовой, коррумпированной.

Другой важный фактор, который предопределяет "качество" наполнения нового формально-правового костяка хозяйственной системы, *воспроизводство "административно-командных" ролей в новых условиях*. Даже если бы провозглашенные реформаторами цели совпадали с реализуемыми ими на практике, элементы инерционности, которые сопутствуют трансформациям любых социально-экономических систем, неизбежно внесли бы определенные коррективы в облик формирующегося рынка. В самом деле, в современных условиях в "новых" правилах игры нередко легко обнаруживают себя старые - унаследованные от административно-командной системы модели отношений в проблемных ситуациях. Взаимоотношения равноправных субъектов подменяются личными договоренностями (улаживаниями), когда одна сторона "просит", "умоляет", "подносит", а другая - "соизволяет", "делает милость", "повелевает", "постановляет".

Воспроизводству старых отношений в новых условиях способствует то, что властные элиты в ходе реформ, как известно, в значительной степени сохранили свой состав. По данным О.В. Крыштановской, до сих пор в элите сохраняется 38% тех, кто занимал номенклатурные посты в советское время. В регионах управленцы советского времени сегодня составляют 60% губернаторского корпуса [30, с. 10].

Благоприятствующими факторами выступает и состояние производственной, инфраструктурной, финансовой и расселенческой подсистем страны. Так, большинство регионов (89%) сегодня - дотационные, что вынуждает губернаторов, как и прежде, приезжать в Москву к распределяющим деньги чиновникам "на поклон". Несмотря на все институционально-правовые изменения за последние 10-15 лет, власть в России по-прежнему очень персонализирована: с приходом новых руководителей (как макро-, так и мезоуровня) происходят серьезные изменения в механизмах управления. По существу, и поныне именно от власти зависит, будет ли она вступать в диалог с обществом или нет.

Свобода индивидов в построении профессионально-должностных ролей в немалой степени зависит от характера позиции, которую они занимают. В странах с развитым рынком и демократическими традициями бюрократические роли сопряжены с явными правилами поведения и минимальными возможностями импровизации в их исполнении. В отличие от рациональной бюрократии наша бюрократия активно использовала свои политические, административные, силовые и социальные ресурсы для активного участия в приватизации и становлении отвечающих ее интересам правил игры. Бюрократия - *самостоятельный* актер трансформационного процесса,

она сама строила свою новую роль, зачастую не считаясь с общественными интересами и превышая свои должностные полномочия. Таким образом, *административно-командная организация советской экономики и общества в значительной степени определила и вектор рыночных реформ.*

Итак, констатируем: особенности социальной организации и культуры дореформенного общества в значительной степени обнаруживают себя в формировании неправового, слабоконкурентного, авторитарного типа рынка. Однако целиком списывать все это на зависимость от траектории предшествующего развития тоже было бы неверно. Ибо выбранные реформаторами стратегия и тактика проведения рыночных реформ еще более усилили эти удаляющие российскую экономику от цивилизованного рынка черты.

Адаптационный потенциал общества и тип рынка: некоторые выводы

Все сказанное выше свидетельствует о том, что нет оснований соглашаться с теми экономистами, которые утверждают, что сначала нужно реализовать общие для всех посткоммунистических стран *необходимые* условия перехода к рынку (либерализация цен, диверсификация собственности), а уже затем начать создавать *достаточные* условия, которые учитывали бы национальную специфику, исторический опыт, особенности социальной организации, культуры. Ведь временной лаг значительно сужает пространство последующих возможностей в становлении не столько рынка вообще, сколько его *цивилизованной* (конкурентной, правовой, неавторитарной) модели (монополии, коррупция, неправовые практики и др.). И в России это уже произошло. Как видно из состояния ролевой системы российского общества, сегодня шансы России продвинуться к *цивилизованному рынку* *намного меньше, чем это было в начале реформ.*

Бюрократия как один из высокоресурсных акторов до сих пор умело использовала в своих интересах те важные социальные преимущества для проведения радикальных реформ, которые имелись в российском обществе "на входе" в рыночные реформы: сформировавшиеся в советский период относительно невысокие запросы и уровень жизни массовых групп населения; высокий уровень общественного терпения, низкий протестный потенциал и др. Но рациональная бюрократия и не могла сформироваться так быстро. В нашем случае она еще долго не сформируется, т.к. ее становление в значительной степени зависит от состояния других общественных институтов: прежде всего структур гражданского общества, включая свободные СМИ, самостоятельные гражданские организации, которые, если нужно, могли бы противодействовать властям; института прав и свобод человека. А эти институты и прежде были неразвиты и остаются неразвитыми по сей день.

Специфика современной ситуации состоит в том, что длительное функционирование в институциональных условиях со слабыми вертикальными и горизонтальными скрепами и погруженностью в неправовое поле побудило массовые группы трудоспособного населения теми или иными способами адаптироваться к новым условиям. В ходе этой адаптации выработалась определенная автономность от власти, дистанцированность от нее (хрупкая, ситуативная, нестабильная, но дистанцированность). Эта дистанцированность наблюдается у акторов самых разных уровней, хотя базируется на неодинаковой степени и результативности адаптации к новым условиям.

Так, наше исследование наиболее активной и социально продвинутой группы *мезоакторов* современных экономических трансформаций, к которой мы отнесли предпринимателей и менеджеров, обучающихся по программам МВА в Академии народного хозяйства при Правительстве РФ (1016 чел., 2004 г.)⁴, показало, что, не-

⁴ 30% из их числа заняты в крупном и транснациональном бизнесе, 49% - в среднем и 18% - в малом. Почти половина (44%) — генеральные директора и их заместители, директора и топ-менеджеры.

смотря на незавершенность институциональных трансформаций в экономической сфере, противоречивость и нестабильность "правил игры", представители данного бизнес-сообщества демонстрируют в целом высокий уровень адаптации к новым условиям: 92% респондентов вошли в группу высоко- (42%) или среднеадаптированных (50%). Причем между оценкой изменений в правилах игры государства с российским бизнесом, которые произошли за последние 4 года, и уровнем адаптации предпринимателей и менеджеров к внешней среде сегодня в большинстве случаев не обнаруживается значимой связи. Большие группы представителей этого бизнес-сообщества отмечали ухудшение отношений бизнеса с органами власти (36—38% по разным группам адаптантов), ослабление защиты со стороны правоохранительных органов (35-49%), снижение стабильности "правил игры" (38%), прозрачности отношений (19-22%) и др. Однако, пройдя за годы реформ "огонь, воду и медные трубы", опрошенные бизнесмены сегодня в большинстве своем оказываются вне зоны воздействия на уровень их адаптации всех этих неблагоприятных факторов. Они выработали способы действий в самых разных условиях и уверены в том, что все равно найдут выход из достаточно сложных ситуаций [31].

Рядовые микроакторы имеют более низкий уровень адаптации к новым условиям: только 9% обрели надежные способы решения своих проблем сегодня и уверены в том, что смогут справиться с ними завтра; адаптация же основной части (67%) носит сиюминутный характер и в большинстве случаев имеет понижающую динамику. Однако и сегодня эти люди в большинстве своем уже не чувствуют той растерянности перед "неведомыми", незнакомыми обстоятельствами и "правилами игры", какая была в начале 90-х гг., и также выработали определенную (хотя и качественно иную) автономность от неблагоприятных воздействий макро- и мезоакторов. Чем ниже уровень адаптации, тем чаще индивиды используют любую возможность подзаработать, больше трудятся по месту основной работы, на садово-огородных участках и в ЛПХ⁵. Причем социальное недовольство, имеющее *материальное* основание, находит выход не столько в массовых акциях протеста, сколько в дополнительной трудовой активности [33]. Другие проявления этой вынужденной дистанционности от властей на фоне социального недовольства и недостаточного ресурсного потенциала для самостоятельной успешной адаптации - архаизация повседневной жизнедеятельности, пьянство, разложение, ухудшение состояния здоровья, преждевременная смертность.

Ни одна из массовых общественных групп трудоспособного населения сегодня, как мы видим, не вступает в открытую конфронтацию с властями. *Слабые* группы, которым вроде бы нечего терять, заняты выживанием и поиском точек опоры в *экономическом* пространстве. *Сильные* социальные группы политически пассивны как раз потому, что им есть что терять, и также функционируют преимущественно в *экономическом* пространстве. Власть изолировалась от общества, а общество - от власти. Однако в каждом из этих общественных сегментов формируются такие правила игры, которые становятся серьезным препятствием для формирования в России цивилизованного - правового, неавторитарного, конкурентного - типа рынка.

Так, с ростом адаптированности доля законопослушных стремительно снижается. Более адаптированные активнее обращаются к противозаконным способам достижения успеха в новых условиях и открыто говорят об этом. Лишь 28% предпринимателей и менеджеров бизнес-элиты вошли в группу "законопослушных", ибо считают, что "хотя законы и несовершенны, их все-таки надо выполнять, потому что нарушение обойдется дороже"⁶. Больше же всего законопослушных среди *низкоадаптированной* интеллигенции (65%). С ростом адаптированности доля законопослушных стремительно снижается и в данной группе, достигая у *высокоадаптиро-*

⁵ Напр., больше стали трудиться на садово-огородном участке и ЛПХ 12% "прогрессивных адаптантов", 25% - "регрессивных адаптантов" и 36% - неадаптантов [32, с. 98-99].

ванной интеллигенции 44%. Отступление от формально-правовых норм, ситуативное им следование - важный способ продвижения в новых условиях представителей самых разных групп, включая сильных и наиболее продвинутых.

Моделей успешного рынка множество. Ясно одно: для того чтобы избежать становления нецивилизованных моделей рынка, важно учитывать общественные предпочтения и общественные ограничения. Так, скандинавские страны, активно корректируя рыночное распределение доходов, сознательно ставят смягчение социальной дифференциации выше (приоритетнее) собственно экономических задач. А США или Бразилия так не считают и так не делают. Для серьезных благоприятных изменений в векторе институциональных сдвигов в современной России важна легитимизация массовыми общественными группами нового социального порядка. В этой связи имеются основания как для позитивных ожиданий, так и для серьезных опасений.

Поскольку индивидуальная свобода в России была и остается категорией преимущественно *социально-экономической* (а не политической или гражданско-правовой) [19, с. 287-288], то планка в данном случае не столь высока, как предполагает либеральная традиция; точка отсчета довольно низка (эффект низкого дореформенного уровня и качества жизни, а также "привыкания к худшему" как важного признака современных регрессивных адаптаций); к тому же в новых условиях социализировалось уже целое поколение молодежи, склонное воспринимать нынешнюю точку отсчета как данность. В этих условиях легитимизация установленного бюрократией в ее интересах социального и экономического порядка может произойти, если положение массовых групп будет (пусть медленными темпами, но постоянно) улучшаться, и, в конечном счете, превзойдет дореформенный уровень. Уже простой рост доходов или стабильности может восприниматься (и, как показывают массовые опросы, воспринимается) большими группами россиян как расширение уровня индивидуальной свободы, вне всякой связи с либерализацией экономики или демократизацией общества.

Опасность такой ситуации состоит в том, что она может стать благоприятным условием для преобразований (причем легитимных!) не только в либеральном или социал-демократическом направлении, но и в направлении авторитарном. В последние годы оптимистические настроения в обществе расширяются (рост доходов, улучшение потребительских настроений). Но при этом растет и авторитаризм, который - благодаря позитивным социально-экономическим сдвигам - может обрести вполне легитимные формы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *May В.* О завершении переходного периода, победе капитализма в России и превращении свободной прессы в непосредственную производительную силу общества // <http://www.iet.ru/publics/it44.htm> (1999 г.).
2. *Биггард Н.* Социальная организация и экономическое развитие // Экономическая социология. Электронный журнал. 2001. №5. С.49-58. www.ecsoc.msses.ru
3. *David P.A.* Clio and the Economics of QWERTY // *American Economic Review*, 1985. V. 75. № 2.
4. *Arthur W. B.* Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994.
5. 20 лет исследования QWERTY-эффектов и зависимости от предшествующего развития. Материалы научного симпозиума. 13 мая 2005 г. / Под ред. *Р.М. Нуреева*. М.: ГУ-ВШЭ, 2005.
6. *Латов Ю.В.* Мы живем не в лучшем из миров! (популярное изложение QWERTY-номики и исследований Path Dependence) // Материалы Интернет-конференции ГУ-ВШЭ "20 лет исследования QWERTY-эффектов и зависимости от предшествующего развития" (<http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/208637.html>).

⁶ Абсолютное же большинство (68%) предпринимателей и менеджеров либо допускают возможность отступления от законов в определенных обстоятельствах (44%), либо твердо убеждены в необходимости (неизбежности) делать это (24%) [34].

7. *Заславская Т.И.* Социальная справедливость: шесть лет спустя // Свободная мысль. 1992. № 1. С.25-36. Или: *Заславская Т.И.* Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. М.: ВЦИОМ, МВШСЭН, 1997.
8. *Хахулина Л.А.* Динамика оценок населением России справедливости и несправедливости неравенств, сложившихся в 90-е гг. // Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России / Ред.-сост. *Р.В. Рывкина*. М.: Референдум, 2003. С.77-102.
9. *Абалкин Л.А.* Спасти Россию. М.: Институт экономики РАН, 1999.
10. *Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. С. 68.
11. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 4. М.:ТЕРРА, 1994. С.151.
12. *Валицкий А.* Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX - начала XX века // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 25-40.
13. *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда // Мир России. 2002. № 2. С.3-38. <http://www.socio.ru/wr>
14. *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: НОРМА, 1997.
15. *Пашин С.А.* Человек в российском правовом пространстве // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. *Т.И.Заславской*. М.: МВШСЭН, 2001. С. 157-166.
16. *Шабанова М.А.* Институциональные изменения и неправовые практики // Кто и куда стремится вести Россию?.. Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М.: МВШСЭН, 2001. С. 319-327.
17. *Радаев В.* Деформализация правил игры и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности // Вопросы экономики. 2001. № 6. С.60-79.
18. *Чепуренко А., Обьеденнова Т.* Трудовые отношения на российских малых предприятиях (по материалам социологических обследований) // Вопросы экономики. 2001. № 4. С.110—122.
19. *Шабанова М.* Социология свободы: трансформирующееся общество / Под ред. *Т.И. Заславской*. М.: МОНФ, 2000. Или: <http://www.auditorium.ru/books/83/>
20. *Клямкин И.М., Тимофеев Л.М.* Теневое общество. М., 2000.
21. *Волков В.* Силовое предпринимательство. СПб., М.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, Летний сад, 2002.
22. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.
23. *Гаман-Голутвина О.В.* Бюрократия или олигархия // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / Под общ. ред. *Т. И. Заславской*. М.: МВШСЭН, 2000. С. 162-172.
24. Социальное положение и уровень жизни населения России, 2003: Стат.сб. / Госкомстат России. М., 2003.
25. *Овчарова Л.Н.* Государственная политика содействия сокращению бедности // Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2002/2003 годы. Роль государства в экономическом росте и социально-экономических реформах / Под общ. ред. *С.Н. Бобылева*. М.: Весь Мир, 2003. С. 57.
26. *Александрова А.Л., Овчарова Л.Н., Шишкин С.В.* Бедность и льготы: мифы и реальность. М.: ИИФ "СПРОС" КонфОП, 2003.
27. *Курьеров В.* Обзор экономической ситуации в России // ЭКО. 2002. № 8. С. 44.
28. *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социол. исслед. 2002. № 6. С. 3—17.
29. *Феофанов Ю.* Год Быка по старому стилю // Закон. 1997. № 12. С. 3-5.
30. *Крыштановская О.В.* Трансформация российской элиты (1981-2003 гг.) / Автореферат дисс. на соискание учен. степ. д.соц.н. М., 2004.
31. *Шабанова М.А.* Новое качество адаптации перспективной группы предпринимателей к современным условиям ведения бизнеса // Общество и экономика. 2005. № 5. С. 201-222.
32. *Шабанова М.А.* Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. № 3. С. 78-104. <http://www.socio.ru/wr>
33. *Кинсбургский А.В.* Социальное недовольство и общественное поведение // Россия: трансформирующееся общество /Под ред. *В.А. Ядова*. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 347.
34. *Шабанова М.А.* Особенности правового сознания и поведения нового поколения российского бизнес-сообщества // Общество и экономика. 2005. № 5. С. 181-200.